

Радзиховская Е. А.

**ВАЖНЕЙШИЕ ПРАВОВЫЕ ШКОЛЫ ЗАПАДНОЙ
ЕВРОПЫ XVI СТ.
И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ
В ОСВЕЩЕНИИ ВЕНЕЦИАНСКОГО ЭРУДИТА ГВИДО
ПАНЦИРОЛИ**

Становление высшего гуманитарного образования в странах Западной Европы исследовано во множестве трудов нового и новейшего времени. Вместе с тем определенным интерес, несомненно, представляют работы позднесредневековых авторов, которые предлагают собственное видение этого процесса. Одним из памятников такого рода является хранящийся в библиотеке Одесского Национального университета трактат венецианца Гвидо Панчироло, или Гвидо Панцироли (Panziroli Guido, 1523–1599) «Четыре книги о славных толкователях законов»¹. Гвидо прославился как юрист и историк, читая лекции в Падуанском университете. Его приезжали слушать из отдаленных мест. Достаточно привести факт из биографии швейцарского эрудита Иоганна Стюкиуса, известного переводчика и комментатора Перипла Арриана, который в 1567 г. специально отправился в Падую, чтобы послушать лекции Гвидо по истории права².

Главная задача, которую падуанский ученый ставил в своей книге о толкователях законов, состояла в увековечении имен профессоров канонического и гражданского права, которые «медленно уносятся неизвестностью». Панцироли упоминает, что на этом поприще у него были предшественники, чьи труды, однако, не сохранились или не дали достаточно полной картины³. В своей работе итальянский правовед использует своеобразный «генетический» метод, пытаясь представить картину развития юридического образования от истоков до современности. Он обращается к правовым памятникам и лучшим, по его мнению, специальным

работам, хроникам и анналам. Гвидо последовательно описывает деятельность римских юристов и восходит от них к биографиям докторов средневековой и ренессансной эпох, которые, «заняли в обществе их место». Изучение деятельности античных юристов выполняется на фоне исследования римских государственных и судебных институтов. Затем помещаются очерки жизни и практики выдающихся правоведов вплоть до XVI в.

Анализ всех разделов труда Панцироли потребовал бы отдельного монографического исследования. В рамках небольшого сообщения в связи с обозначенным выше вопросом об истории гуманитарного образования разумно ограничиться беглым обзором четвертой книги труда Панцироли «*De Europae academiis*», где приводятся сведения о наиболее значительных научных центрах Европы. Мы, пишет Гвидо, кратко сообщим о тех академиях, что действуют ныне, а также об их происхождении. При этом он оговаривается, что данный сюжет ранее уже трактовался неким Яковом Миддендорпом, указавшим, какой из профессоров где преподавал⁴. Панцироли, несомненно, имеет в виду труд «*De celebrioribus universi Academiis libri duo*» голландского историка и филолога Я. Миддендорпа (1537–1611), преподававшего в Кельне философию⁵.

Обозначим теперь основные вехи академической истории по Гвидо. В древнем Риме, сообщает Панцироли, было установлено, чтобы по примеру Афин в каждом городе были свои профессора⁶. Далее он находит нужным отметить, сославшись на Светония, что после того, как в результате тирании Нерона исчезли риторы, Веспасиан распорядился, чтобы преподаватели латыни и греческого получали содержание из государственной казны. Плата риторам, грамматикам, медикам и математикам была впоследствии прекращена в силу каких-то обстоятельств (*forte*), однако была восстановлена, вероятно, Александром Севером.

Среди наиболее замечательных центров науки древности Панцироли называет Антиохию сирийскую, куда, по словам М. Туллия Цицерона, стекались ученейшие люди⁷. Процветало изучение греческого и латыни также и в Массилии. В Кесарии палестинской изучал риторику знаменитый богослов Григорий Назианзин

(329/30-ок. 390), отправившийся затем на учебу в Александрию и наконец в Афины, где связал свою жизнь с другим известным представителем патристики – Василием Кесарийским (Великим). Особенно, констатирует Панцироли, славилась Александрия. Действительно, чтобы кого-нибудь рекомендовать, достаточно было сказать, что он получил образование в Александрии, ибо там преподавали Аверроэс, Авиценна, мавр Рази «и другие арабы»⁸. Позднее в Англии выдвинулись на передний план Кембридж и Оксфорд (Cantabrigia et Oxonium), откуда вышел Алкуин (ок.732-804), являвшийся, как полагает Панцироли, учеником Беды Достопочтенного (672-735), а также другие замечательнейшие мужи, ставшие при Карле Великом инициаторами учреждения академий в Галлии (Париж) и Италии (Павия).

После были основаны новые Академии в Италии, как, например Болонье, где весьма хорошо преподавались свободные искусства. Однако, подчеркивает Гвидо, нигде, кроме Рима и Константинополя, не преподавалось право. Первым же, кто в Риме публично толковал право, то есть, стал первым преподавателем, был Тиберий Корункан (Tiberius Coruncanus). В связи с этим именем Панцироли приводит любопытное свидетельство Помпония Мелы (I в. н. э.). Согласно Помпонию, до Тиберия традиция не сообщает о ком-либо, кто публично преподавал. Знатоки предпочитали скорее скрывать свои знания, нежели преподавать. Труды же Корунканана не сохранились, но многочисленные его ответы оставались в памяти. После Корункана преподавали многие замечательные юристы: Муций Сцевола, Аквиллий Галл Бальб, Бальб Луцилий, Секст Папирий, Гай Младший (Mutius Scaevola, Aquilius Gallus Balbus, Balbus Lucillius, Sextus Papirius, Caius Iuvenis) и др.⁹

Затем Панцироли делает экскурс в эпоху Августа, отмечая Антистия Лабеола (Antistius Labeo). Этот юрист его интересуется, правда, не как основатель Прокулианской школы права, а как преподаватель. Лабеола, на взгляд Панцироли, удачно распределил свое время, посвящая шесть месяцев обучению, а другие шесть проводя за написанием книг. Гвидо, однако, отмечает, что после Лабеола были установлены «две секции» неким Аттеем Капи-

тоном (Atteius Capitonus), имея, очевидно, в виду два известных направления латинской юриспруденции (прокулианское и сабинианское). Преподавание велось на Капитолии, где впоследствии Феодосий Великий (379–395) учредил должности двух толкователей законов, трех риторов, десятерых латинских грамматиков, стольких же греческих, одного философа, пятерых софистов, или же диалектиков; то же было учреждено в Константинополе.

Представление Гвидо о дальнейшей судьбе правоведения Восточной Римской империи весьма туманно, а изложение сумбурно. Действительно, он сначала кратко упоминает о восстановлении преподавания права дядей византийского императора Михаила III (842–867), Вардой. Последний, по его словам, около 860 г. «вспомнил о гражданских законах, знание которых почти вышло из употребления», и осуществил меры к тому, чтобы изучение гуманитарных наук вновь начало процветать и в скором времени возвысилось. После этого Панцироли возвращается ко временам Юстиниана (527–565) и обращается к истории создания его знаменитого «Свода гражданского права». Он сообщает, что толкование права началось в Александрии и Кесарии, однако Юстиниан постановил, чтобы нигде более, кроме Константинополя и Рима, а также Бейрута, где имелся древний гимназиум по изучению законов, право не интерпретировалось. При Юстиниане в этих центрах преподавали такие выдающиеся юристы, как Феофил (Theophilus), составивший, как полагает Панцироли, вместе с Трибонианом (Tribonianus) сохранившиеся до его времени Институции на греческом; а также Кратин, Феодор, Исидор Константинопольский, Дорофей, Анатолий, Фалалей, Саламиний (Cratinus, Theodorus, Isidorus Constantinopoli, Dorotheus, Anatolius, Phalaeleus, et Salaminus), которые, по-видимому, практиковали в Бейруте. Из названных первые двое совместно с другими составили Пандекты¹⁰. В это время в Риме, часто опустошаемом варварами и претерпевавшем другие бедствия, прекратили заниматься свободными искусствами. Такая ситуация, считает Панцироли, сохранялась до тех пор, пока Академию не восстановил занявший в 1243 г. папский престол Иннокентий IV, предписавший преподавание обоих прав (гражданского и канонического).

Такова в основных чертах «гипотеза развития» европейского

гуманитарного образования, предлагаемая Панцироли в начале четвертой книги. Как видим, она не отличается стройностью и последовательностью изложения, а информация о византийских и мусульманских реалиях скудна и неточна. Вместе с тем, главная тенденция его трактовки, сохранившаяся до настоящего времени, проступает вполне отчетливо: Гвидо стремится показать преемственную связь между современной ему и античной академической наукой.

После этого своеобразного введения Панцироли переходит к обзору наиболее важных центров образования в средневековый и ренессансный период. В Италии, отмечает Гвидо, по примеру Болоньи основали юридические академии многие города, как-то: Мутина, Парма, Пьяченца, Милан, Флоренция, а также некоторые другие, где эти учреждения в его время исчезли. Затем он приводит перечень действующих академий, систематизированный по региональному принципу. При этом Гвидо в ряде случаев указывает даты, имена основателей и «реставраторов», а иногда упоминает выдающихся профессоров.

Среди итальянских академий на первом месте стоит римская (1245), хотя по времени ей предшествуют павийская (800), болонская (1130) и падуанская (1222). Академия Павии (Ticiensis) основана по Панцироли Карлом Великим и восстановлена Галеаццо Висконти ок. 1370 г. В итальянском списке фигурируют также Неаполь, Перуджа, Пиза, Сиена, Салерно, Турин, Мачерата и Ферми. Почти все эти центры, за исключением хронологически неопределенных Мачераты и Ферми, снабжены датами в рамках XIV ст.; древнее их Неаполь и Перуджа (соответственно ок. 1240 и 1290)¹¹. Сицилии отводится особый маленький раздел. Две её академии — в Мессине и Катании — обозначены как старые (*vetus academia*) без каких бы то ни было хронологических или иных сведений.

Академическая наука германских народов, а также Испании представлена весьма лаконично. Для Германии (*Germaniae*) перечень городов включает Трир, Вену, Гейдельберг, Кельн, Лейпциг, Эрфурт, Вюрцбург, Ингольштадт. Здесь же фигурирует чешская Прага с упоминанием её политико-географической принадлеж-

ности – «in Bohemia»¹². Отдельно в разделе о Польше обозначена академия Кёнигсберга (Regiomontana in Prucia), основанная в 1544 г. прусским герцогом Альбрехтом (Гогенцоллерном), последним Великим магистром Тевтонского ордена. Крайне лапидарна информация о Шотландии (Эдинбург, Абердин и Глазго), Англии (Кембридж и Оксфорд) и Испании (Севилья).

Наиболее внушительным списком снабжает Панцироли Францию (Gallia). Этот список возглавлен Парижем, чья академия, как отмечалось выше, была, по его мнению, основана Карлом Великим. Старейшей после Парижской он считает академию Тулузы, не указывая, однако, даты ее основания. Далее следуют академии Лиона, Монпелье, Орлеана, Авиньона, Анже, Кагора, Буржа, Нима, Марселя, Реймса, Бордо, Пуатье, нормандского Кана и бургундского Доля. Именно применительно к французским центрам Панцироли находит необходимым упомянуть имена выдающихся правоведов. Так, с Монпелье связана деятельность полупоупендарного юриста XII в. Плацентина. Обозначены имена и знаменитых современников Панцироли, в числе которых Андреа Альциат, Дурарен, Петр Ребуффи и другие правоведы, работавшие в Авиньоне, Кагоре, Бурже, Анже. Сведения Панцироли в данном случае носят выборочный и в известной мере случайный характер, однако очевидно, что, на его взгляд, именно к Франции перешла в его время пальма первенства в области правовых наук.

Следует особо остановиться на восточноевропейских центрах обзора Панцироли. Их всего два – Братислава и Краков, и находятся они в разделе о Польше. Относительно братиславской академии отмечается лишь то, что её основал в 1505 г. Владислав, король Венгрии и Богемии, т. е. Владислав (Уласло) II Ягеллон. Версия основания академии в Кракове несколько более обстоятельна и весьма любопытна. Панцироли верно упоминает о Казимире III Великом (1333-1370), допуская, однако, небольшую ошибку в датировке. Действительно, известно, что первый документ об учреждении Краковского университета был издан Казимиром, но не в 1361, а в 1364 г.¹³ Настоящей основательницей университета, завещавшей крупную сумму для его поддержания, Гвидо представляет королеву Ядвигу («Cum vero esset obscurior Hedwigis Re-

gina ingentem illi pecuniam reliquit»). Как видим, предание о Ядвиге-основательнице вышло за пределы Польши и обнаружилось в труде далекого от польской историографии итальянского эрудита. Подобная оценка деятельности Ядвиги вполне соответствует сложившейся в позднейшей польской историографии XIX–XX вв. устойчивой традиции видеть в ее муже, литовце Владиславе-Ягайло, полуварвара, грубого неопита, не способного, в отличие от представительницы католической польской династии, понять важность наук и ученых.

Современными исследователями такая трактовка роли Ядвиги считается необоснованной. Поднятые ими материалы (грамоты, письма, памятная книга краковского университета и др.) убедительно показывают, что Ягайло, стремившийся обеспечить культурное и идеологическое единство Польши и Литвы, развернул активную деятельность на этом поприще гораздо раньше Ядвиги и неизменно поддерживал университет. Именно его вклад в материальное благосостояние и институциональное становление университета следует признать наиболее весомым¹⁴. В связи с этим возникает вопрос об источниках информации Панцироли о Восточной Европе. Можно допустить, что сведения о Польше почерпнуты им из означенного выше трактата Я. Миддендорпа, использовавшего в свою очередь какие-то нарративные тексты, авторы которых отрицательно относились к литовскому неопиту на польском престоле.

Такова общая картина, вырисовывающаяся из четвертой главы труда Панцироли. Хотя глава оставляет впечатление некой неотредактированности, конспективности, все же контуры основной её концепции проступают вполне ясно. Можно условно говорить о нескольких взаимосвязанных ключевых элементах этой главы. Таковыми являются «академия», «искусство толкования древних и новых законов», «уровень преподавания правовых дисциплин», «континуитет».

По поводу первых трех из них отметим следующее. Слово «академия» связано у итальянского эрудита не с философскими (как это было в античности), а прежде всего с правовыми науками. Панцироли хорошо понимает кардинальное значение препо-

давания философии и диалектики, а также других «свободных искусств», однако главную роль он отводит правоведению. «Академия» для него – это учебное заведение, где искусство толкования законов и уровень преподавания правовых дисциплин весьма высоки, как правило, университет, но не всякий. Из изложенного выше явствует, что многие европейские университетские центры в списке Панцироли отсутствуют. Едва ли это может быть результатом слабой информированности или плохой систематизации. Можно допустить, что критерии, применявшиеся Панцироли не позволяли ему считать уровень преподавания права в неназванных университетах академическим.

В заключение о континуитете. Итальянский эрудит стремится представить процесс становления академического правоведения как некий единый непрерывный поток и охватить движение в общеевропейском масштабе, в том числе в Восточной Европе. Интересно, что конфессиональные моменты его интересуют весьма мало. Отсутствие или неточность сведений по некоторым периодам и регионам не мешают ему выстраивать целостную конструкцию. Насколько удачной ее можно считать? Представляется, что некую канву для дальнейшей работы книга Панцироли, несомненно, предлагает.

Примечания

¹ *Panziroli G. Guidi Panziroli Regiensis I.U.C. Praestantissimi et in celeberrimo Patavino Gimnasio Juris Interpretis Primarii. De claris legum interpretibus libri quatuor / Octavii Panziroli auctoris ex fratre nepotiss opera ac summa diligentia in Lucem editi. – Venetiis, 1655.*

² *Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Bd. 14. – Leipzig, 1881. – S. 410.*

³ *Радзиховская Е. А. Венецианский эрудит Гвидо Панцироли и его каталог правоведов // Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці : матеріали Міжнародних книгознавчих читань (м. Одеса, 14-16 верес. 2009) : [зб. ст.]. – Одеса, 2010. – С. 246-264.*

⁴ *Panziroli G. Op. cit. – P. 495.*

⁵ *Middendorp J. De celebrioribus universi Academiae : libri duo. – Cologne, 1567.*

⁶ *Panziroli G. Op. cit. – P. 492.*

⁷ *Panziroli G. Op. cit. – P. 493.*

⁸ *Panziroli G.* Op. cit. – P. 494.

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *Panziroli G.* Op. cit. – P. 496.

¹¹ *Ibidem.*

¹² *Panziroli G.* Op. cit. – P. 497.

¹³ *Stopka Kr.* The Jagellonian Foundation of Cracow University // *Questiones medii aevi novae.* – Warsaw, 2003. – Vol. 8. – P. 51.

¹⁴ *Ibidem,* p. 54-60.